

Проф. С. И. Радциг

К ВОПРОСУ О МИРОВОЗЗРЕНИИ СОФОКЛА

Посвящается памяти академика М. М. Покровского

Софокл — один из главных представителей художественной мысли времени «высочайшего внутреннего расцвета Греции» (Маркс). Этим определяется исключительная важность точного понимания не только его художественного мастерства, но и его образа мыслей.

Судить о мировоззрении поэта на основании его драматических произведений чрезвычайно трудно, так как его собственные мысли не должны обязательно совпадать со взглядами кого-нибудь из действующих лиц его произведений. Тем более это трудно по отношению к Софоклу, которого вследствие его кажущейся объективности некоторые ученые считали настоящим представителем «чистого искусства», далеким от практической жизни¹. Однако еще Демосфен (XIX, 247), цитируя одно из рассуждений Креонта в «Антигоне» (175—190) как образец взглядов честного гражданина-патриота, находил, что здесь выражено отношение самого поэта к современности. Карл Маркс в словах того же Креонта (ст. 294—302) относительно силы денег увидел отражение развития денежного хозяйства в Греции². Это наблюдение можно распространить и на другие места трагедий Софокла (Ant., стт. 322; 1036 слл., 1063, 1077; Oed. R., 124, 380 сл., fr. 85 и др.). При внимательном исследовании текста Софокла можно сделать еще немало таких наблюдений. Таким образом, отражение современной ему жизни в произведениях поэта не оставляет сомнений. В самом деле, «жить в обществе и быть свободным от общества нельзя»³. Такой взгляд на литературу начинает в настоящее время получать преобладание и на Западе, как это видно из трудов Боура, Уитмена и особенно Эренберга⁴. Последний в образе Антигоны видит даже выражение собственных мыслей поэта⁵.

¹ Tycho Wilamowitz-Möllerndorff, Die dramatische Technik des Sophokles, B., 1917; H. D. F. Kitto, Greek tragedy. A literary study, L., 1939; W. Schadewaldt, Sophokles, Aias und Antigone, «Neue Wege zur Antike», VIII (1929), 61—109.

² К. Маркс, Капитал, т. I, 1955, стр. 139, прим. 92.

³ В. И. Ленин, Соч., т. X, стр. 30; ср. В. Г. Белинский, Соч., т. VIII, 1955, стр. 82.

⁴ С. М. Боура, Sophoclean tragedy, Oxf., 1944 (далее Боура, ST), С. Н. Уитмена, Sophocles. A study of heroic humanism, Cambridge (Mass.), 1951; В. Эренберга, Sophocles and Pericles, Oxf., 1954 (далее Эренберг, SP); М. Похленца, Die Griechische Tragödie², Göttingen, 1954, т. II, Erläuterungen.

⁵ Эренберг, SP, стр. 34; ср. стр. 63.

Если у Эсхила и Эврипида довольно часто можно встретить ясные намеки на современную им действительность или рассуждения общего характера, не связанные прямо с действием трагедии, то Софокл настолько искусно сплетает их с сюжетной линией, что они порой трудно уловимы. Некоторые исследователи вследствие этого сомневались даже в возможности определения мыслей поэта или ограничивались лишь самыми общими положениями ⁶.

Тем не менее выяснение мировоззрения поэта нельзя считать делом безнадежным, но оно требует осторожности, чтобы не навязать поэту мыслей самого исследователя или не допустить натянутых исторических сближений ⁷. Конечно, при сложности этого вопроса вообще многое в его решении может оставаться спорным.

Обычно критерием для определения мыслей поэта берется повторение одной и той же мысли в разных местах, особенно при различных окружающих условиях в разных произведениях, обособленность мысли от окружающего контекста и т. п. Наиболее важным показателем является направление самого действия. В этом плане и написано большинство специальных работ о Софокле последнего времени ⁸.

Деятельность Софокла начиналась в такое время, когда «...первоначальная восточная общинная собственность уже разложилась, а рабство еще не успело овладеть производством в сколько-нибудь значительной степени» ⁹. Таким образом, преобладание имел еще труд свободных земледельцев. Экономический и политический расцвет Афин после блестящих побед над персами, последовавшее в результате этого образование большого морского союза под главенством Афин и затем превращение его в «державу» — ἀρχή — все это подняло сознание афинского народа и создало основы для развития рабовладельческой демократии. Широкие сношения с другими государствами и приток в Афины иностранцев со всех концов греческого мира способствовали обмену опытом и развитию научной и политической мысли. Так Афины сделали центром культурной жизни всей Греции — «школой Греции», по выражению Перикла (Thuc., II, 41, 1). Но остатки старых отношений еще продолжали держаться, и ostracism Фукидида, сына Мелесия (443 г.), остававшегося вождем аристократии, не выбил ее окончательно из строя: развернулась деятельность аристократических гетерий.

Как удалось выяснить Эренбергу, Софокл, сын богатого владельца оружейной мастерской, сначала примыкал к аристократической группировке Кимона, а позднее был среди друзей Перикла, причем в качестве казначея союзной казны в 443 г. и в качестве стратега в 441 г. был исполнителем предначертаний Перикла. Однако можно установить, что во мно-

⁶ Крайне скептический взгляд высказал G. N o r w o o d, Greek tragedy, L., 1928, стр. 177, отказываясь идти далее самых общих положений. A. B l u m e n t h a l, RE, S. v. Sophokles, рассматривает взгляды Софокла под углом зрения известной книги Ницше и дает совершенно ложное освещение мировоззрения поэта.

⁷ E h r e n b e r g, SP, 178—182; A. J. A. W a l d o c k, Sophocles the dramatist, Cambridge, 1951, стр. 6 сл. (далее W a l d o c k, SD). У нас об этом писал еще Ф. Г. М и щ е н к о, Отношение трагедий Софокла к современной действительной жизни в Афинах, «Киевские университетские известия», 1874, № 4—8.

⁸ L. S a m p b e l l, Sophocles, L., 1879; F. A l l è g r e, Sophocle. Étude sur les ressorts dramatiques de son théâtre et la composition de ses tragédies, Lyon, 1905; Adolph M ü l l e r, Aesthetischer Kommentar zu den Tragödien des Sophokles², Paderborn, 1913; H. W e i n s t o c k, Sophokles, Lpz — B., 1931; K. R e i n h a r d t, Sophokles, Frankfurt am Main, 1933, T. B. L. W e b s t e r, An introduction to Sophocles, Oxf., 1936; B o w r a, ST; W a l d o c k, SD; W h i t m a n, Sophocles.; J. C. O p s t e l t e n, Sophocles and Greek pessimism, Amsterdam, 1952 (далее Opstelten, SGP); E h r e n b e r g, SP.

⁹ К. М а р к с, Капитал, т. I, 1955, стр. 341, прим. 24.

гих отношениях Софокл не разделял взглядов «первого мужа». Эренберг не коснулся его роли в событиях 411 г., а между тем Аристотель (*Rhetorica*, III, 18, р. 1419 а, 26—30) упоминает, что в числе десяти пробулов, которым было поручено составление плана нового устройства, был Софокл. Правда, неизвестно, какого именно Софокла имел в виду Аристотель, однако само отсутствие уточнения скорее всего указывает на то, что речь идет о лице, широко известном, каковым и был поэт; но в таком случае известие Аристотеля не стоит в противоречии с теми взглядами, которые обнаруживаются в произведениях поэта.

Софокла, по-видимому, надо представлять человеком, далеким от сложных философских вопросов и мучительных раздумий, принимавшим жизнь такой, какова она есть, полным простодушной веры в мудрость, справедливость и силу богов. Хотя в устах действующих лиц его трагедий нередко пессимистические рассуждения, но в общем мировоззрение Софокла проникнуто жизнеутверждающим духом, причем иррациональным силам противопоставляется личная ответственность человека¹⁰. Мудрость и самообладание — *σωφροσύνη* — он считает залогом счастья, надменность — *ὑβρις*, по его мнению, порождает тиранию, ведет к неправде, насилию и т. д. Такая ограниченность миропонимания Софокла, казалось бы, должна исключать всякий вопрос о влиянии на него учений софистов, и У. Вилламовиц-Меллендорф, например, решительно заявлял: «С ионийской наукой и риторикой он не имеет никакой связи»¹¹. Однако при ближайшем рассмотрении трагедий Софокла обнаруживается его знакомство с новыми учениями.

Предположение о влиянии софистов на Софокла становится вполне правдоподобным, если принять во внимание некоторые хронологические данные. Протагор родился между 490 и 480 гг., впервые приехал в Афины около 455 г.¹²; позже он был близок к кругу Перикла и мог встречаться с Софоклом. Известно, что в кружке Перикла велись иногда споры на софистические темы. Ксенофонт, например, рассказывает (Мемораб., I, 2, 40—46) о беседе Перикла с Алкивиадом о сущности закона. В кружке Перикла Софокл встречался и с Геродотом. Он был также в дружбе с философом Архелаем. Им обоим поэт посвятил эпиграммы, сохранившиеся в отрывках¹³.

Для разрешения поставленного нами вопроса большое значение имеет песня хора в «Антигоне» — первый стасим (ст. 332—375), который еще древний лексикограф Полидевк называл даже «парабозой», то есть как бы ключом для понимания всей трагедии; такое значение признается и новыми исследователями¹⁴. Однако в понимании основной мысли этого места существуют серьезные расхождения, что осложняется плохой сохранностью текста, которая порождает различные неясности и попытки исправления его, иногда весьма произвольные. Поэтому мы начнем с внимательного рассмотрения этой песни, придерживаясь по возможности

¹⁰ Ср. Б е л и н с к и й, Соч., т. III, 1953, стр. 424; O p s t e l t e n, SGP, стр. 8; W h i t m a n, Sophocles, стр. 39.

¹¹ U. W i l a m o w i t z-M ö l l e n d o r f f, Die griechische Literatur des Altertums («Die Kultur der Gegenwart», I, вып. 8)³, Lpz, 1924, стр. 75; о н ж е, Die griechische Tragödie und ihre drei Dichter («Griechische Tragödien», т. IV), В., 1923, стр. 329.

¹² D i o g. L a e r t., IX, 55 сл.; G. B u s o l t, Griechische Geschichte, т. III, ч. I, Gotha, 1897, стр. 515; T. A. S i n c l a i r, A history of Greek political thought, L., 1951, стр. 52, относит приезд Протагора к 450—445 гг.

¹³ E. D i e h l, Anthologia lyrica Graeca³, ч. 1, Lipsiae, 1949, стр. 79; W e b s t e r, Introduction..., стр. 52.

¹⁴ P o l l u x, Onomast., IV, 111; W. S c h m i d und O. S t ä h l i n, Geschichte der griechischen Literatur, т. II, München, 1934, стр. 105, 350 (далее S c h m i d — S t ä h l i n, GGL).

редакции в изданиях Пирсона и Макре¹⁵. Прежде всего рассмотрим общее содержание песни.

Когда страж сообщил Креонту, что кто-то нарушил его приказ и совершил погребальный обряд над телом Полиника, это вызвало негодование царя и раздумье хора. После этого следует интересующая нас песнь. Она начинается с прославления могущества человека: «Много есть изумительного (δυναί), но ничего нет изумительнее (δυνώτερον) человека». Он разъезжает на кораблях по морю, плугом бороздит Землю-мать. Он — хитроумный (περιφραδής, 347), покорил себе и птиц, и зверей, и рыб. Он изобрел и речь, и мысль, привык жить в городах и укрываться в домах от непогоды. «На все у него есть средства (παντοπόρος); без средств (ἄπορος) не идет ни на какое предстоящее дело. Только Аида не может он избежать; от трудных же болезней придумал он спасенье. Если чем-то хитрым превыше чаяния бывает у него изобретательность его искусства, он приходит иногда ко злу, иногда ко благу, и, если соблюдает (рукопись παρέρω; поправки: παρέρω, γερέρω; некоторые читают: παρέρω — «нарушает») закон страны и правду, утвержденную клятвой во имя богов¹⁶, тогда он высок бывает в государстве (ὑψίπολις)¹⁷, но нет места в государстве (ἄπολις, Беллерман и Джебб: „лишается государства“) тому, кто привык творить недоброе ради дерзновения. Да не будет со мной участником очага или моим единомышленником тот, кто делает это» (ст. 360 — 375).

В этой песне бросается в глаза противоположение между начальной частью и концом: после прославления силы и ума человека делается неожиданный поворот — осуждается дерзновение мысли человека, причем хор решительно заявляет, что не желает иметь ничего общего с таким человеком. Такое осуждение человеческого «суемудрия» похоже на какую-то полемику. Обращает на себя внимание нарочитое противопоставление этимологически близких слов: παντοπόρος — ἄπορος, ὑψίπολις — ἄπολις. Поэтому и важно, чтобы слова παντοπόρος и ὑψίπολις замыкали первую мысль и не соединялись в одном предложении с противоположными им ἄπορος и ἄπολις без интерпункции, как в издании Диндорфа — Меклера.

Еще Т. Бергк в своей «Истории греческой литературы» обращал внимание на важное значение разбираемой песни, говоря, что в ней «трагик указывает на границы, которые человек не может безнаказанно переступить»¹⁸. Конечный смысл этой песни не ускользнул и от внимания М. Круазе, который, отмечая высокое художественное достоинство песни, так характеризовал отношение хора к сообщенному событию: «В четырех строфах, полных гордого вдохновения и важной философии, все победы человечества проходят перед нами, чтобы остановиться как бы повисшими в воздухе перед неизбежным крушением»¹⁹. Круазе заставляет, таким образом, задуматься над смыслом последних стихов этой песни. Еще далее шел в объяснении этой песни Адольф Мюллер. «Очевидно, — писал он, — вторая половина содержит главную мысль, и она показывает всего Софокла» (ук. соч., стр. 18 слл. и 121 слл.). Но А. Мюллер сомневался, чтобы уже в «Антигоне» могла быть полемика против «опасного» учения софис-

¹⁵ Sophoclis Fabulae, recognovit A. C. Pearson, Oxonii, 1923; Sophocle. Texte établi et traduit par P. Masquegay, t. I, P., 1929.

¹⁶ С толкованием Эренберга (SP, стр. 62) «правду богов, призванную клятвенно» нельзя согласиться. Нет смысла в сочетании: «призывать клятвенно правду».

¹⁷ Беллерман и Джебб объясняют это выражение так: «возвеличивает свое государство». Боура (ST, стр. 85) переводит: «высоко стоит его государство». Но ясно, что здесь речь идет о самом человеке. Правильное толкование дано Эренбергом (SP, стр. 62 сл.).

¹⁸ Th. Bergk, Griechische Literaturgeschichte, т. III, В., 1884, стр. 416.

¹⁹ A. et M. Croiset, Histoire de la littérature grecque, т. III², P., 1913, стр. 291.

тов, которая позднее явно видна в трактовке образа Одиссея в «Филотете». Таким образом, сделав правильное наблюдение, автор не решился признать вытекающих из него последствий. Вопрос сводится, следовательно, лишь к тому, можно ли допустить влияние на Софокла софистических учений в пору постановки «Антигоны», то есть в 442 г.

Близко к этому подошел и Блюменталь (ук. соч.). Но этот ученый, найдя правильную основу, извратил ее собственной тенденцией. Увлекаемый теориями Ницше, он даже в основной концепции «Антигоны» увидел признаки начинающегося разложения греческой культуры, так как будто бы здесь прославляется нарушение законности. Он признает у Софокла наличие риторики, но ограничивает это признание тем, что она у него будто бы не является самоцелью. «Хотя он (то есть Софокл.— С. Р.), — читаем мы тут, — заимствовал кое-что у Эврипида и нового дифирамба в просодии и технических подробностях, он не допустил влияния на свое творчество тенденций софистики, разлагающих искусство и государство» (там же). Эта отрицательная аргументация, как видим, страдает большой субъективностью и даже противоречивостью, так как автор приписывает поэту свои личные антипатии и отвергает теоретически то, что признает существующим в действительности. В последнее время рассмотрению первого стасима «Антигоны» уделялось место почти во всех специальных трудах о Софокле — Боура, Уэбстера, Уалдока, Уитмена и др. Наиболее обстоятельное исследование даво Эренбергом, который признал в этой песне голос самого поэта и вместе с тем выражение мыслей всего государства (πόλις — SP, стр. 64). Полеиц (Gr. Tr., I Band, стр. 197) полагает, что в песне 1-го стасима не высказывается осуждения ни Креонта, ни Антигоны, а выражается мысль самого поэта, сводящаяся к тому, что «собственное мнение человека» (Selbstbestimmung) может вести к гибели не только его самого, но и все государство.

Вопрос о влиянии софистов на Софокла неоднократно затрагивался и в общих сочинениях, и в специальных статьях²⁰.

Ему посвятил специальное исследование Нестле²¹, известный своим крупным трудом об Эврипиде и многими работами по философии и особенно об учениях и о влиянии софистов. Положительное решение вопроса дают и Крист, и Шмид—Штелин, и Геффкен²², и Уэбстер²³, и Поленд (ук. соч., II, стр. 84 сл.).

В последнее время к этой точке зрения присоединились Уалдок, Уитмен и Эренберг. Но у Уитмена это мнение получило даже крайнюю форму: он готов признать, что сам Софокл прививал учение Протагора о человеке как мере всех вещей²⁴. Такой вывод, конечно, не может быть признан правильным. Из всего сказанного можно видеть, что принципиальное признание отражения софистических учений у Софокла принимается почти всеми, но остаются большие расхождения в понимании отношения к ним самого поэта и в определении конкретного смысла

²⁰ W. Schmid, Probleme aus der sophokleischen Antigone, «Philologus», 62 (1903), стр. 1—34; H. Bengl, Staatstheoretische Probleme in Rahmen der attischen, vornehmlich euripideischen Tragödie, Diss., Coburg., 1929, стр. 10.

²¹ W. Nestle, Sophokles und die Sophistik, Cl. Ph., 1910. К сожалению, эта работа оказалась мне недоступной.

²² W. Christ, Geschichte der griechischen Literatur, bearb. von W. Schmid, T. I, München, 1912, стр. 328; Schmid—Stählin, GGL, II, стр. 310, 316, 347, 350, 357 сл.; J. Geffcken, Griechische Literaturgeschichte, т. I, Heidelberg, 1926, стр. 169.

²³ Webster, Introduction..., стр. 19, 38, 52, 105; он же, Political interpretations in Greek literature, Manchester, 1948, стр. 41—55, ср. Bussé, Kulturgeschichtliche Anschauungen in den Dramen des Sophokles, «Neue Jahrbücher für Philologie», III (1927), стр. 129—135.

²⁴ Whitman, Sophokles, стр. 98.

этих учений в сюжетной связи трагедии. Вот поэтому-то и требуется дальнейшее рассмотрение вопроса.

Центральным моментом трагедии Софокл поставил конфликт между божеским законом и человеческим произволом. Особенно ярко эту мысль он выразил в сцене допроса Антигоны (стр. 441—525). Последняя объясняет свой поступок как веление «неписанных, незыблемых законов самих богов» — *ἄγραπτα κῆραλῆ θεῶν νόμιμα* (ст. 450—460). А руководит этими законами сама Правда — *Δίκη*. Тем самым Софокл отзывается на животрепещущий вопрос своего времени, когда с особенной остротой в разных кругах афинского общества обсуждался вопрос о значении неписаного закона — *ἄγραφος νόμος*²⁵. Уже Гераклит говорил, что «все человеческие законы питаются единым — божеским» (fr. 114, Diels). Несколько позже Перикл в «Надгробном слове» (Thuc., II, 37, 3) говорил о неписанных законах как о таких, «неисполнение которых навлекает на виновных всеми признаваемый позор». Эренберг (ук. соч., стр. 141) правильно указал, что в речи Перикла имелись в виду законы общественные в отличие от религиозных и нравственных законов Софокла. Ксенофонт передает беседу Сократа с софистом Гиппием на тему о неписанных законах (Memorab., IV, 4, 19—25). О беседе Перикла с Алкibiадом о сущности закона упоминалось выше. Геродот высказывал мысль о различии в понимании сущности законов у разных народов (III, 38).

Среди учений софистов особенно широкое распространение получила теория естественного права — закона самой природы (*φύσις*), который лучше всех человеческих законов (*νόμοι*), имеющих лишь временное и условное значение. Но различные общественные группы по-разному представляли себе этот естественный закон: аристократы видели его в древних родовых установлениях, а демократы воплощали в нем свои идеалы новых социальных отношений. Ясно, что речь Антигоны и следует рассматривать в свете всех этих учений. Но если Гегель и некоторые его последователи старались представить Антигону выразительницей лишь семейного начала²⁶, это было сужением ее представлений, так как это начало естественно включается в общее представление о высшем законе. Это — те самые законы, о которых красочно говорится в песне хора в «Царе Эдипе»: «Высокие, рожденные в небесном эфире — отцом их является единый Олимп, а не смертная природа людей, и никогда их не усыпит забвение» (ст. 865—870). Исключительная преданность брату, о которой Антигона заявляет в своей предсмертной речи (ст. 891—928), не может быть понята иначе, как отзвук принципов родового строя, которые во времена Софокла еще крепко держались в сознании. Хотя эта речь вызывает и продолжает еще вызывать недоумения исследователей и даже сомнения в ее подлинности²⁷, однако все это происходит только

²⁵ R. H i r z e l, *Agraphos nomos*, Lpz, 1900, стр. 24 сл.; о н ж е, *Themis, Dike und Verwandtes*, Lpz, 1907, стр. 151 сл.; E. B u r l e, *La notion du loi naturel dans l'antiquité grecque*. Thèse, Trévoux, 1908, стр. 281; S i n c l a i r e, ук. соч., L., 1951, стр. 49 сл.; W e b s t e r, *Political interpretations...*, стр. 56 сл.; S c h m i d t — S t ä h l i n, *GGL*, II, стр. 456 сл.

²⁶ Г. В. Ф. Г е г е л ь, *Лекции по эстетике*, русский пер., т. 1, М., 1938, стр. 225, 226; т. II, М., 1940, стр. 39, 45; G. W. F. H e g e l, *Sämtliche Werke*, т. XIV, *Vorlesungen über die Aesthetik*, т. III, В., 1928, стр. 551—556; о н ж е, т. XVI, *Die Philosophie der Religion*, стр. 133 сл.; о н ж е, *Философия права*, стр. 198; Б е л и н с к и й, Соч., т. V, М., 1954; стр. 28 сл., т. VI, М., 1955, стр. 18; т. VII, М., 1955, стр. 153; Н. Г. Ч е р н ы ш е в с к и й, *Эстетические отношения искусства к действительности*, Соч., т. II, М., 1949, стр. 23; о н ж е, *Возвышенное и комическое*, Соч., т. II, стр. 167; W e i n s t o c k, *Sophokles*, стр. 97 сл., 121—126. Решительную критику взгляда Гегеля дает P. F r i e d l ä n d e r, *Die griechische Tragödie und das Tragische*, «Die Antike», I (1925), стр. 309.

²⁷ K i t t o, *Greek tragedy*, стр. 127; W h i t m a n, *Sophokles*, стр. 263.

вследствие непонимания пережитков древнейшей психологии. Эта мысль явно заимствована у Геродота (III, 119); встречается она и у некоторых восточных писателей²⁸. Ведь нельзя забывать и того, что, как отмечали Маркс и Энгельс, «...сквозь греческий род явственно проглядывает дикарь (например, ирокез)»²⁹. Конечно, и сама категория неписанных законов грекам представлялась весьма неопределенно³⁰. Но напрасно Эренберг утверждает, будто эти неписанные законы не имеют ничего общего с семейными традициями или с вопросом о погребении (там же, стр. 30, 35). Если Антигона выступает против приказа Креонта, это вовсе не значит, что она была противницей государства³¹. Таким образом, совершенно отпадает толкование Гегеля, будто в этой трагедии семейное начало вступает в конфликт с государственным. Гегель идеализировал образ Креонта, видя в нем носителя идеи государственности. Мы не будем сейчас останавливаться на рассмотрении этих двух образов, а также на вопросе об основной идее этой трагедии, так как это требует отдельного специального исследования. Важно то, что уже многие ученые убедительно показали тираническую основу образа Креонта, прикрывающегося маской благородства³², причем даже и те, которые пытаются отстаивать гегелевское понимание³³, вынуждены сделать в этом отношении серьезные уступки, лишаящие такое понимание достаточных оснований. Они сводят сущность трагедии к противопоставлению двух начал, не замечая того, что между Антигоной и Креонтом нет противопоставления, так как она олицетворяет высшую законность, а он — произвол и беззаконие³⁴.

При чтении песни первого стасима мысль, прежде всего, обращается на того человека, который совершил дерзкий поступок, то есть на Антигону. Уитмен первую часть песни относит к Антигоне как выразительнице «героического типа гуманности», вторую же рассматривает как голос хора, который будто бы не имеет в виду ни Антигоны, ни Креонта³⁵. Однако в дальнейшем становится ясно, что не Антигона нарушила закон страны и правду богов: наоборот, она свято соблюла все это, пожертвовав даже своей жизнью, а попрал этот неписанный закон Креонт, который с таким самодовольством и холодной жестокостью кичился государственной мудростью. Он заявлял, что поставит на своем, даже вопреки воле самого Зевса (ст. 1040). Он-то и был вознесен выше всех в государстве — *ᾠφίπολις* — но в конце концов оказывается отверженным — *ἄπολις* (ст. 370). Да и мог ли хор в этой песне осуждать поступок, в котором незадолго перед тем готов был видеть дело самих богов? А во втором стасиме

²⁸ E. Gruhn, Sophokles Antigone, B., 1904, стр. 35 сл.; он же, Eine neue Auffassung der Antigone, «Neue Jahrbücher für das klassische Altertum», I (1898), стр. 248—262; Bowra, ST, стр. 95.

²⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные сочинения, г. II, М., 1948, стр. 242.

³⁰ Ehrenberg, SP, стр. 22—50.

³¹ Whitman, Sophokles, стр. 88, 90.

³² Ф. Г. Мищенко, Креонт и Антигона, «Филологическое обозрение», XX (1901), стр. 40—62; E. Gruhn, Eine neue Auffassung..., стр. 248—262; он же, Sophokles Antigone, Einleitung, стр. 18 сл.; Friedländer, ук. соч., стр. 309, 312; Weinstock, Sophokles, стр. 110 сл.; Wilamowitz-Möllendorff, Die griechische Tragödie..., стр. 345; Bowra, ST, стр. 72, 103; Whitman, Sophokles, стр. 90—96; Waldock, SD, стр. 31.

³³ Humborg, Kreon, RE, т. IV, Suppl. Bd. 1924, стб. 1048—1056; Blumenthal, ук. соч., стб. 1083, сл. Но в недавнее время Шадевальд (ук. соч., стр. 93—97) опять вернулся к мысли о виновности Антигоны, ср. Whitman, Sophokles, стр. 89. Отчасти к этому примыкает Webster, Political Interpretations, стр. 53, который представляет конфликт между Антигоной и Креонтом как разрыв между индивидуумом и государством.

³⁴ Whitman, Sophokles, стр. 90; Ehrenberg, SP, стр. 32, 55, 57.

³⁵ Whitman, Sophokles, стр. 91.

(ст. 622 сл.) хор намекает на безумие Креонта³⁶. Таким образом, становится очевидным, что в первом стасиме осуждается именно его «суемудрие», которое рассматривается как гордыня — ἕβρις (ср. Ed., ст. 872 сл.), а сам он изображается с типичными чертами тирана. Его «мудрость» оказывается посрамленной при сравнении с здоровым и простым, бесхитростным чувством естественности и природы, представленным в образах Антигоны, Исмены и Гемона. Так, пренебрегая общепринятыми учениями религии, Креонт с большой развязностью заявляет: «Я знаю хорошо, что никто из людей не может нанести осквернения богам» (ст. 1043 сл.). Это напоминает нам известное выражение Протагора о богах. С такой же самоуверенностью, как бы кичась вольнодумством, Креонт грозит Антигоне казнь, хотя бы она была ему ближе по крови любого, кто чтит одного и того же Зевса Оградного, то есть является его сородичем (ст. 486 сл.). В разговоре с Гемоном он доходит до такого оболыщения властью, что требует повиновения даже в делах, заведомо несправедливых. «Тому, кого поставит государство, — говорит Креонт, — надо повиноваться и в малых делах, и в справедливых, и в противоположных» (ст. 666 сл.). Не решаясь сказать прямо: «даже в несправедливых делах», он прикрывает свою мысль хитрым выражением: «противоположных». Мы узнаем во всем этом струю модного вольнодумства «учителей мудрости», как называли себя софисты. И это особенно заметно, когда мы представляем себе подвиг Антигоны и благочестивое направление мыслей самого поэта. Кроме того, и Тиресий в своей обличительной речи показывает, что Креонт попирает божеские и человеческие законы (ст. 1015, 1072 сл.), проявляет чисто тираническое своеобразие (αἰθαδία — ст. 1028), нарушает требования благоразумия и здравого смысла — εἰσβολία (ст. 1050, 1098, ср. ст. 1025 сл., 1031 сл., 1090). Сам Креонт, наконец, признается, что лучше всего жить, соблюдая установленные законы (ст. 1113 сл.). Хор подчеркивает эту мысль, говоря о необходимости для смертных покоряться воле судьбы (ст. 1137 сл.), и заключает трагедию наставительным выводом из всего действия пьесы: «Благоразумие есть самое первое условие счастья. Нельзя по отношению к богам ни в чем проявлять нечестия. А гордые речи надменных людей казнятся жестокими ударами, и это на старости научает их благоразумию» (ст. 1348—1353). Благочестивая богобоязненность и покорность воле богов — вот мировоззрение среднего афинянина, и оно разделяется самим поэтом. Самоуверенность и самомнение Креонта заводят его в противоречие с велениями богов и мнением людей (ст. 733 сл.). А между тем эти рассуждения Креонта имеют во многих случаях софистическую окраску. В своем самообольщении он мнит себя мерою всех вещей, и падение его означает несостоятельность его взглядов³⁷. Мы можем, таким образом, сказать, что песня первого стасима направлена именно против них.

Макс Вундт сводил всю мысль этой песни к противопоставлению отдельной личности государству. «В связи со смелым поступком Антигоны, — писал этот ученый, — и уже в ясном предчувствии судьбы Креонта хор поет о могуществе и величии человека. В этом смелом развитии человеческого духа лежит в слишком большой степени соблазн, что отдельная

³⁶ Waldock, SD, стр. 113, 115.

³⁷ Schmid—Stählin, GGL, стр. 344, 350; Weinstock, Sophokles, стр. 117 сл.; шплетно пытается опровергнуть такое понимание Kitto, Greek tragedy, стр. 161; Whitman, Sophokles, стр. 98 сл., наоборот, держась совершенно ни на чем не основанной и чисто упадочнической теории самоуничтожения героической личности, мерою всего считает сильную личность и образец ее видит в лице Антигоны. На самом же деле это уже не героизм, который автор хочет приписать Антигоне, а «сверхчеловечество» в духе Ницше и извращение смысла трагедии. Webster, Political Interpretations..., стр. 67, объявляет Антигону выразительницей того же «индивидуалистического идеализма», носителем которого был, по его мнению, Сократ.

личность становится выше целого. Она теряет полис (ἄπολις, стр. 370), то есть всю совокупность социальных отношений, которые связывают человека с землей, с богами и людьми его родины. Велик в государстве (ὑψ.πολις, ст. 370) лишь тот, кто и в этом высшем развитии интеллекта основывает свое существо твердо на законе и религии отечества»³⁸. Действительно, эта мысль о тщете человеческого разума перед лицом божественного промысла проходит и через другие трагедии Софокла и является типичной для всего его миропонимания. Но Антигона ли носительница идеи такой «дерзости»? Сходные мысли мы находим и в «Царе Эдипе». «Гордыня порождает тирана», — рассуждают там старцы хора, — и эта гордыня, как они думают, приводит людей к гибели. Старцы со своей стороны заявляют, что непрестанно своим заступником будут иметь бога. «Если же кто-нибудь, — продолжают они, — идет преступным путем, действуя руками или словом, если он не боится Правды и не чтит престолов богов, если станет несправедливо удовлетворять свою корысть или в безумии не воздержится от посягательства на что-нибудь неприкосновенное, тогда да сразит его злая судьба в воздаяние за его злосчастную надменность» (ст. 872—891). Старцы хора в этой трагедии считают повинным в таком поступке Эдипа, когда тот усомнился в правоте оракулов. Тем в большей степени виновен в этом Креонт в «Антигоне».

В обеих трагедиях проходит одна и та же точка зрения. «Смертному роду надо мыслить по-смертному (δνητὰ φρονεῖν), зная, что кроме Зевса, нет другого распорядителя (ταρῖας) грядущей судьбы», — такое рассуждение хора сохранилось из недошедшей трагедии «Терей» (фр. 531). «Трагедия Софокла есть песнь о ничтожестве человеческой мудрости, — замечает М. Вундт об «Антигоне». — В те более спокойные времена при Перикле жизнь развевала новое интеллектуальное богатство, но трагик возражает ему своим: нет» (там же, стр. 230 сл.). Он требует от человека, по мнению этого ученого, смирения и покорности. Голландский исследователь Опстельтен (SGP, стр. 6 и 206) склонен видеть в этих высказываниях героев Софокла пессимизм самого поэта, — правда, не холодный, безнадежный, но естественный, присущий человеческой природе, далекий от пессимизма Шопенгауэра. Но мы должны признать более справедливым мнение английского ученого Грина, который пришел к заключению, что рассеянные в разных местах рассуждения о зависти богов и т. п. вовсе не выражают взглядов самого поэта: «Они указывают скорее на склонность людей приписывать внешним причинам всякие несчастья и непредвиденности»³⁹. Мысль Софокла была хорошо схвачена В. Г. Белинским, который писал: «Но благородный свободный грек не преклонился, не пал перед этим страшным призраком (то есть судьбой. — С. Р.), а в великодушную и гордую борьбу с судьбою нашел свой выход и трагическим (курсив подлинника. — С. Р.) величием этой борьбы просветил мрачную сторону своей жизни: судьба могла лишить его счастья и жизни, но не унижить его духа, могла сразить его, но не победить»⁴⁰.

Исследователи уже обращали внимание на то, что в конце трагедии «Трахинянки» (ст. 1266—1274) Гилл выражает весьма нечестивую мысль о бесчувствии и жестокости богов, которые детей своих (в данном случае имеется в виду отношение Зевса к Гераклу) обрекают на страшные муки. Это — уже критика религиозной традиции. Подобная критика встречается в «Филокете», поставленном в 409 г., где герой (ст. 446—452)

³⁸ М. Wundt. Geschichte der griechischen Ethik, I, Lpz., 1908, стр. 226.

³⁹ W. Ch. Greene, Moira, Fate, Good and Evil in Greek thought, Cambridge (Mass.), 1948, стр. 146.

⁴⁰ Белинский, Соч., т. III, М., 1953, стр. 424.

жалуется на то, что боги губят хороших людей и щадят негодных⁴¹. В этом видят влияние Эврипида. Однако такие горестные мысли можно найти и в бесспорно ранних произведениях Софокла, как «Аякс», да и в самой «Антигоне» есть жалобы героини на богов, которые допускают ее гибель, несмотря на проявленное ею благочестие (ст. 921—924). Все это подтверждает возможность найти и в «Антигоне» отклики софистических учений.

Даже при беглом чтении трагедий Софокла можно заметить обильное использование поэтом фигур речи и таких искусственных выражений (антитеза, параномасия, анафора, аллитерация и т. д.), которые напоминают технику первых риторгов. Французский ученый О. Наварр подобрал большой материал из трагедий Софокла и в том числе из «Антигоны», позволяющий говорить о риторских и софистических элементах у Софокла⁴². Он высказывает даже мысль, что Горгий сам много позаимствовал для своего искусственного стиля из трагедии и особенно из Софокла (там же, стр. 110 сл.), Геффкен отмечает следы влияния юридической практики в пользовании аргументами от возможности и правдоподобия — *εἰκότα*⁴³. Нечего и говорить, что в «Филоктете» образ Одиссея представляет тип софиста в худшем смысле слова⁴⁴. К этому очень близки и некоторые рассуждения Креонта. Его претенциозные разглагольствования о принципах государственного управления явно почерпнуты из литературы этого рода.

Вопрос о происхождении человеческой культуры, поставленный в интересующей нас песне хора, занимал уже и ранее мыслителей. Еще в «Прикованном Прометее» Эсхила есть место, где Прометей рассказывает, как люди с его помощью вышли из первобытного состояния, научились строить себе дома, различать зиму и лето, узнали высокую науку чисел и письма, подчинили себе диких зверей, стали плавать по морю на кораблях, нашли средства от болезней, установили гадания и жертвоприношения, стали добывать металлы из недр земли и т. д. (ст. 442—504). Сравнивая это место с песней Софокла, Уитмен пишет: «Песня отзывается духом Прометея» (Sophokles, стр. 91). Но нетрудно заметить, что между этими двумя местами есть и существенное различие: культурные блага по версии Софокла добыты человечеством самостоятельно, тогда как по версии Эсхила они даны ему Прометеем. В более ранней версии Гесиода совершенно отсутствовал этический элемент, недоступный еще его эпохе, — явный признак того, что у Эсхила и Софокла обнаруживаются достижения мысли V века. Вместе с тем такая связь между «Антигоной» и «Прометеем» служит лучшим подтверждением подлинности последнего, которую некоторые буржуазные ученые думали отвергнуть⁴⁵. С другой стороны, открывается возможность заключить, что Протагор позаимствовал сюжет для своей «притчи» именно из трагедии Эсхила. Некоторое сходство с песней Софокла имеет начало хоровой песни в «Хозфорах» Эсхила (ст. 585—638). Но это сходство лишь внешнее: характеризуется «дерзость»

⁴¹ Campbell, Sophocles, стр. 18; Müller, Aesthetischer Kommentar... стр. 22; Schmid—Stählin, GGL, стр. 374, 465; Norwood, Greek tragedy, стр. 159 сл.

⁴² O. Navarre, Essai sur la rhétorique grecque avant Aristote, P., 1900, стр. 73—75, 102—107; Schmid—Stählin, GGL, стр. 494.

⁴³ Geffcken, GL, т. I, ч. 1; стр. 314, ч. 2, стр. 164, прим. 58.

⁴⁴ Schmid—Stählin, GGL, стр. 316; Bengl, Staatstheor. Probleme..., стр. 67; Webster, Introduction..., стр. 153.

⁴⁵ Историю этого вопроса см.: Schmid—Stählin, GGL, т. III, München, 1940, стр. 281—308; G. Thomson, Aeschylus. The Prometheus bound, Cambridge, 1932, стр. 38 сл.; L. Séchan, Le mythe de Prométhée, P., 1951, стр. 58—64. В последнее время эта мысль нашла дальнейшее подтверждение в том, что не дошедшая до нас трагедия «Триптолем», поставленная в 468 г. (фр. 540), как оказалось, содержит прямую реминисценцию из «Прометея» (ст. 789) (Pohlenz, ук. соч., II, стр. 43).

женщины, которая под влиянием страсти решается на самые ужасные злодеяния. Здесь Софокл мог найти только формальный образец для своей песни. Зато несомненное сходство по существу видно в «притче» Протагора, которая приводится в диалоге Платона (Protagoras, ст. 11—12, р. 320 С—322 D). Есть основание предполагать, что эта «притча» заимствована Платоном из сочинения Протагора о первоначальном состоянии (*περί τῆς ἐν ἀρχῇ καταστάσεως*) и что близкие к этому мысли имелись в его сочинении «О государстве» (*Περὶ πολιτείας*)⁴⁶. Объясняя устройство человеческой жизни, Протагор представляет все дело как результат того, что Прометей похитил вместе с огнем искусную мудрость Гефеста и Афины. Дальнейшее является уже достижением самого человека. Он разделил звуки и слова, то есть изобрел членораздельную речь, нашел себе жилище, одежду, обувь, пищу и т. д. Пытались люди создавать военное искусство и основывать города, но это им не удавалось, пока Зевс не даровал людям — и притом всем без исключения — Стыд и Правду. Только после этого стала возможной у них гражданская добродетель и государственная жизнь.

Как мы видим, здесь развиваются те мысли, которые намечены в «Прометее» Эсхила. Недаром Протагор для доказательства пользуется как раз мифом о Прометее, так как, очевидно, эта версия мифа получила широкую известность — новое подтверждение подлинности трагедии. Выделяя человека, как такового, Протагор подводит все рассуждение к знаменитой формуле: «человек есть мера всех вещей». Вместе с тем отстраняется мысль и о богах, о которых ничего определенного человеку не известно («Относительно богов я не знаю, существуют они или нет» — фр. 4, Diels). Гражданские свойства человеческой природы, которыми человек отличается от всех других существ, вполне соответствуют учениям естественного права. Упоминание об изобретении речи вполне подходит к его грамматическим и риторическим занятиям, в чем он сходил с Продином (Plato, Phaedrus, 51, р. 267 С).

Сходство песни Софокла с рассуждениями Протагора уже обращало на себя внимание и было отмечено новыми комментаторами — Бруном, Беллерманом и Джеббом. Бласс посвятил этому вопросу специальную статью⁴⁷, в которой осторожно высказывал мысль лишь об одинаковом источнике двух рассматриваемых мест и этот источник видел в каком-то орфическом сочинении. Но это лишь попытка одно неизвестное объяснить через другое.

Чрезвычайно важно для решения этого вопроса то обстоятельство, что у Софокла повторяются не отдельные мысли Протагора, а весь комплекс его рассуждений. Это уже не может быть объяснено случайным совпадением, но свидетельствует, что Софокл был знаком с учением Протагора, а, вводя под конец свое критическое заключение, он показывает свое отрицательное отношение к нему. И оно не должно нас удивлять после того, что было сказано нами выше и что мы знаем о мировоззрении Софокла в целом.

Мысль о софистическом источнике песни Софокла подтверждается также сходным местом в трагедии Эврипида «Просительницы» (ст. 195—218). Тезей в своей речи старается опровергнуть крайне пессимистическую точку зрения каких-то софистов, будто зло преобладает в мире над добром,

⁴⁶ Diog. Laert., IX, 55; H. Diels, *Fragmente der Vorsokratiker*, т. II⁴, В., 1922, стр. 220; Т. Гомперц, *Греческие мыслители*, русск. пер., т. I, СПб., 1911, стр. 333 сл., 377 и 380; H. G o m p e r z, *Sophistik und Rhetorik*, Lpz. — В., 1912, стр. 159 сл.; S i n c l a i r, ук. соч., стр. 52 сл. и 55.

⁴⁷ F. B l a s s, *Zu Sophokles' Antigone und Platons Protagoras*, «Neue Jahrbücher für Philologie», 155 (1897), стр. 477—480.

и прославляет божественную премудрость, которая вывела людей из дикого состояния, дала им разум и речь, оплодотворила землю, чтобы дать им пропитание, устроила им жилища для укрытия от непогоды, научила плавать по морю и т. д. Словом, это — повторение мотивов начальной части песни в «Антигоне» Софокла с тою только разницей, что там эти блага представляются делом самого человека, а здесь — благодеянием божества. Нестле тщательным разбором этого места Эврипида показал, что оно содержит мысли Диогена из Аполлонии, Протагора и особенно Гераклита⁴⁸. Это еще раз подтверждает нашу мысль об источнике песни Софокла.

Другие места этой же трагедии Эврипида, особенно спор о лучшем государственном управлении (ст. 399—510) и сходство его с подобным же политическим спором у Геродота (III, 80—82), приводят прямо к заключению, что в основу их положены сочинения современных софистов⁴⁹, и имеется много данных, чтобы предполагать здесь влияние Протагора⁵⁰. Большое сходство с разбираемой песней Софокла, кроме того, представляет отрывок из трагедии Эврипида «Эол», поставленной до 423 г.⁵¹. «Ограничена сила человека, — читаем мы тут, — но хитростью ума он покоряет и страшных зверей моря, и питомцев земных и воздушных существ» (фр. 27). В противоположность нашему месту, Эврипид останавливается на противоречии внешней слабости и несравненной силы ума человеческого. Это — своего рода поправка к тому, что мы находим в начальной части песни Софокла.

Из всего сказанного видно, что рассуждения о силе и слабости человека были ходячей темой в середине V в. и, следовательно, могли быть хорошо известны Софоклу. Анализ песни первого стасима «Антигоны» показал, что Софокл был знаком с новыми учениями, но, как человек консервативного образа мыслей, не принимал их; в этом отношении он составляет противоположность Эврипиду, который не только знал, но и принимал большинство из учения софистов. «Его (Софокла. — С. Р.) мышление и чувствование, — замечает М. Вундт, — коренятся везде еще на совершенно примитивном, религиозном понимании жизни. Но в то же время на этой почве выросла богатая личная жизнь» (ук. соч., стр. 232). Действительно, Софокла более всего занимает сам человек с его внутренним миром и глубокими внутренними переживаниями; в этом его жизненность и непреодолимая ценность для нашего времени.

⁴⁸ W. Nestle, Euripides, der Dichter der griechischen Aufklärung, Stuttgart, 1901, стр. 63—72; Pohlenz, ук. соч., II, стр. 82 сл.

⁴⁹ Nestle, Euripides, стр. 300—304; V. A. Schöffer, Demokratia, RE, I S/bd., стб. 348 сл.; Bengl, Staatstheor. Probleme..., стр. 39—43, 79. Любопытно совпадение мыслей на тему о спокойной жизни подданного в сравнении с трудами правителя в речи Креонта в «Царе Эдипе» (584—586) и подобных же пожеланий Иона в трагедии этого имени (Ion., 525 сл.); см. Bengl, Staatstheor. Probleme..., стр. 82. Дюммлер видел тут заимствование у софиста Антифонта — F. Dümmler, Prolegomena zu Platons Staat, Basel, 1891, стр. 15—20.

⁵⁰ Schmid — Stählin, GGL, II, стр. 572 сл.; Sinclair, ук. соч., стр. 36 сл.

⁵¹ Schol. Aristoph. Nubes, 1371; Schmid — Stählin, GGL, II, стр. 408; Bengl, Staatstheor. Probleme..., стр. 10.

